

Алексей Алёхин

КОМУ И НА ФИГА НУЖНА ПОЭЗИЯ,
ИЛИ
О НАЗНАЧЕНИИ ПОЭТА

I.

Мы присутствуем при депрофессионализации литературы.

Очевидней тут обстоит дело не с поэзией, а с прозой. Книжки меньше читают. А если читают, то чаще — ворованное в интернете. Как следствие падают тиражи — и заработки. С трехтысячного тиража (весьма хорошего, по нынешним временам) при роялти 10 процентов автор редко получит больше 50–60 тысяч рублей. Ну, 75 тысяч.

Серьезный роман пишется как минимум год (я не о поставщиках читки, лепящих свой литературный гамбургер за три недели). При этом прозаик должен сидеть за письменным столом, у него времени нет на отхожий промысел. И должен хотя бы этот год себя прокормить. Пусть не роскошно, пусть на уровне квалифицированной медсестры или хорошего школьного учителя — тысяч 50 в месяц. Умножаем на двенадцать и получаем 600 тысяч. Чего удивляться, что серьезный профессиональный писатель — исчезающий вид?

И кто же приходит ему на смену? Любитель, дилетант. И прямой графоман. Тот, для кого сочинение романов — хобби. Да и строчит он их куда резвее, именно потому, что — дилетант, не ведающий муки слова: они из него сыплются. Ну и литературные ремесленники, эти-то всегда были, а теперь их массово изготавливают на курсах «писательского мастерства».

* Эта лекция была прочитана молодым писателям в Иркутске 12.09.2017 г. (частично) и в Великом Новгороде 06.08.2019 г.

При сокращении числа мастеров и нашествии дилетантов, которых пруд пруди, а заодно и мастеровитых имитаторов, критерии размываются. Их теперь тоже охотно печатают. Вот и получается то самое «перепроизводство» культурных ценностей, о котором уже заговорили. Но подлинных ценностей ищи-свищи.

В поэзии несколько иначе. Она вообще плохо способна кормить своего создателя (за исключением прикладной: тексты песен, реклама в рифму, в том числе и реклама советской власти, сиречь ее пропаганда, чего мы тоже навидались). Она отчасти кормила статусом поэта — *признанного* поэта. Платными выступлениями, участием в читательских конференциях, литконсультациями и проч. Вот, на Западе есть пост «поэта при университете» — в Англии, США: прочесть пару «лекций» в год, ну и вообще украшать своей особой титульный список и получать за то некоторое жалование. Были, не знаю, остались ли, синекуры для поэтов во Франции, когда их назначали, к примеру, «хранителем библиотеки»: не с формулярами возиться, понятно, а приехать раз в год, иногда в другой город, на какое-нибудь библиотечное торжество. Ну а у нас кормились еще журнальными гонорарами.

Но и это все исчезает с тотальным триумфом любительщины, когда уже нет *непризнанных* — а значит, и признанных тоже нет. На всех синекур не напасешься. А про гонорары уж и мало кто вспоминает, да и что на них — разве пива выпить.

Но я не о гонорарах. Поэты и в прежние времена кормились, в общем-то, чем Бог послал, хотя случались и царицены табакерки с бриллиантами.

Дело в том, что поэзия, как вообще искусство, иерархична. И притом в кубе иерархична. По большому счету — не с филологической точки зрения систематизации-классификации всего на свете вплоть до микрометрии, а с точки зрения культуры — нас интересует только очень небольшой круг действительно крупных мастеров. Иерархий может быть не одна, а, скажем, две (условно «традиционная» и столь же условно «авангардная») и даже больше: к примеру, «духовная», где окажется на Олимпе вполне вторичная Ольга Седакова. Но не сколько угодно, в каждой фейсбучной компании своя. И как раз осознание иерархии, стремление подняться по ней на высокую ступеньку — не в смысле обществен-

ного «статуса», а творчески — ведет и дисциплинирует стихотворца в его развитии.

А если этого нет, если все блохи неплохи, то остается «поэзия как образ жизни».

Вообще-то она всегда образ жизни. «Поэзия требует *всего* человека» (Батюшков), и тот всю жизнь проводит в своих стихах. Но я не об этом случае. А о том, когда вместо служения она становится времяпрепровождением: способом обрести компанию по интересам, покрасоваться на публике, потусоваться на фестивале — в сущности, мало отличаясь от завсегдатаев собачьих выставок или слетов серфингистов. Превращается в род «ролевой игры», как остроумно обозначил в свое время злоязычный Виктор Топоров. А собственно стихи и даже бесчисленные поэтические книжки становятся при этом не главным событием литературы, а лишь поводом и элементом оформления организуемого действия.

Но у поэзии есть более существенная роль в жизни человечества.

Потому я хочу поговорить о назначении поэта. И назначении и месте поэзии.

II.

Все уже заметили, что тема эта дословно совпадает со статьей Блока «О назначении поэта», его знаменитой Пушкинской речью, произнесенной в 1921 году в 84-ю годовщину смерти Пушкина. Если сформулировать ее суть, то назначение поэта — *внести гармонию в мир*.

Что и есть абсолютная истина. Вопрос однако: зачем ее вносить и кому это нужно?

Много лет назад маленький сын соседа по даче, когда мы туда приехали, долго и внимательно разглядывал нашу кошку, а потом, подняв на меня искренние глаза, спросил: «А зачем она вам?»

С поэзией примерно такой же случай. См. заголовок к этим моим размышлениям.

Ну, в высоком смысле оно понятно. Вот тот же Блок в 1907 году в статье «О лирике» (я запасаю цитатами, они и еще будут) писал: «...мыслитель, ученый, общественный деятель питается плодоносными соками лирической стихии — поэзии всех веков и народов».

Т. е. она питает элиту человеческую. Или питала.

У меня, правда, впечатление, что нынешние властители дум и народов — от законодателей в Думе, чиновников в правительстве (как и их оппонентов, впрочем), владельцев заводов, газет, пароходов до авторов многословных и невнятных газетных статей и убогих сценариев телесериалов — после «ласточка с весною в сени к нам летит» из букваря ни одной стихотворной строчки не прочли. Увы, они страшно близки к народу и по уровню образования, и по развитости вкуса, и по привычкам — и тоже ограничиваются тем, что смотрят ТВ или копаются в интернете.

Но это другая, хотя и связанная с нашей, проблема. Я о более широком круге читателей.

Место поэзии в разные эпохи не одно и то же. И за полвека, на моих глазах, оно изменилось радикально. Можно сколь угодно потешаться над залихватской формулой «больше, чем поэт...», но, вообще-то говоря, несколько раз в нашей культурной истории так и было.

В 60-е годы минувшего века стихи читало огромное большинство образованных людей, отнюдь не только гуманитариев. Это был своего рода язык и пароль интеллигенции. Частенько в беседе звучала строчка из Пастернака, Цветаевой, Гумилева (нередко — из ненапечатанного, из ходившего в машинописи), в ответ ее продолжение, и это означало: «свой». Стихи были инструментом внутренней свободы, способом противостояния ужасающе плоским и скудоумным условиям советской жизни. Глотком такой свободы были и пресловутые стадионные вечера, отчасти замещавшие невозможные тогда митинг или рок-концерт. Нетрудно видеть, что роль поэзии была не столько ее природная — художественная и эстетическая, о которой писал Блок, а более упрощенная, социальная. Но читали едва ли не поголовно.

О том, что поэтический бум 60-х был явлением не вполне художественным, свидетельствует и тот факт, что от тех лет уцелели в реальном фонде поэзии не совсем те, кто был тогда королем. Да, что-то из Вознесенского, часть Ахмадулиной. О Евтушенко грустно вспоминать. Рождественского и не знают. Зато остались чуть ли не целиком те, кто не блистал на эстраде, — Чухонцев, Кушнер (не говоря о принципиально «андеграундных», например лианозовцах, или «маргинальных», вроде Ксении Некрасовой). Но в 60-е отли-

читать подлинное от блестящего было труднее, как это всегда бывает современникам. Сейчас-то разница очевидна: как масло и вода.

Но это в прошлом. Ныне ситуация в корне иная. Т. е. не совсем: есть фестивали, слэмы, новая эстрадная поэзия — Всеволод Емелин, Вера Полозкова, Дмитрий Быков. Прямое продолжение той давней эстрады, хотя и с куда менее многолюдными залами и претензиям попроще. Но в наше время их уж только совсем простодушные путают с поэзией как таковой. С поэзией как искусством.

Так вот, я о предназначении поэзии — а не об эстраде и стихах как роде времяпрепровождения. Хотя последнее тоже имеет культурный смысл — занятие не из худших, только не надо путать.

Но кто все же читает высокую лирику помимо самих поэтов и зачем оно ему? Скажем прямо: таких немного. Достаточно сравнить поэтическую полку книжного магазина, где она вообще есть, с площадью остального торгового зала. Да и на той в основном не новые стихи, а классика, как ее книготорговцы понимают.

Ситуация нормальная — аномалией были 60-е. Поэзия — сложное и потому достаточно герметичное искусство. Особенно новая поэзия, привносящая новую и потому непривычную гармонию, которая еще не скоро сделается принадлежностью школьных учебников.

Это, повторюсь, нормальное положение вещей. У нас кое-кто из старшего и даже отчасти среднего поколения стихотворцев еще тоскует по 60-м. Немало из них в конце 80-х и в 90-х, не признаваясь в том, мечтали стать новыми — ну и конечно, *правильными* — Евтушенками. Властителями дум.

Ну да, властители дум, но для немногих.

Кстати, тиражи поэтических книг Серебряного века были похожи на нынешние: полторы–три сотни экземпляров, редко пятьсот и только у откровенно игравшего с вульгарным вкусом Северянина — тысяча. Но роль поэзии не измеряется числом читающих стихи. Ее роль в культуре — роль детонатора, закваски.

В конце 90-х, выступая, кажется, на журфаке, я высказал предположение, что у нас такие плохие газеты и такое чудовищное телевидение отчасти потому, что в 70-е и 80-е в журналах и в книгах печатались отвратительно скучные и плоские советские стихи.

И это не совсем шутка. Поэзия устанавливает планку. Великая поэзия если не прямо порождает великую прозу, то задает тон, взы-

ваает к многомерности и глубине прозы вообще. А высокий уровень художественной прозы повышает критерии уже просто прозы — журнальной, газетной, даже рекламной (мне тут попался на глаза рекламный слоган: «Лучшее средство от геморроя в Европе», эдакое веселое пушкинское хулиганство, если б писавший понимал, что пишет). В конечном счете влияет на качество не только того, что состоит из букв, но вообще мышления.

Однако я снова съехал на «элиту». А я о читателях попроще. Хотя никаких «простых» читателей у поэзии нет, они все — элита. Даже те, кто с умилением читает стихи про березки в сборничке лауреатов районного конкурса «Люблю свой край», — элита. В своем кругу: остальные читают только расписание электричек.

Увы, стихов сейчас даже для обычной, непоэтической, эпохи читают мало. Совсем мало.

Кризис, который мы в этом отношении переживаем, кризис цивилизационный, и, открыв в очередной раз ворота в Европу, мы первым делом приобщились к этому кризису. Тут вспоминается анекдот хрущевских времен про соседние газетные заголовки: «Америка катится в пропасть» и «Догнать и перегнать Америку». Я знаю, что существует и оптимистичная точка зрения: *ну и что?* Просто сменились культурные ориентиры, теперь литература не в тренде.

Но литература — это не моющее средство: раньше мылись куском мыла, а теперь гелем. Нет. Словесность, поэзия — фундаментальные составляющие любой цивилизации, хоть китайской, хоть средиземноморской.

Кризис этот начался не сейчас, «Закат Европы», вообще-то говоря, написан Шпенглером 100 лет назад, опубликован в 1918-м. Но звоночки были и раньше. И это совсем не безболезненно. По поводу такой вот «смены тренда» Владимир Соловьев еще в 1884 году писал Страхову: «...если кончился период литературный или словесный, то начался период бессловесный». А о последствиях такой бессловесности уже в 1922 году, в статье «О природе слова», предупреждает Мандельштам: «“Онемение” двух-трех поколений могло бы привести Россию к исторической смерти». Боюсь, он не преувеличивал. И опасение относится не только к России.

Отчасти обнадеживает, что и после Соловьева был Серебряный век, и после мандельштамовской статьи много чего, включая самого Мандельштама. И сегодня, я допускаю, у поэзии вновь воз-

никает — или может возникнуть — не просто культурная, но цивилизационная роль. Напомню, что она ее уже играла в далеком прошлом: в Ассирии, в Древнем Египте и позже в античности она, в сущности, заключала в себе и мировоззрение, и историческую память, и философию, и религию. Она старше религии: самые древние религиозные тексты мы обнаруживаем в корпусе поэтических текстов того времени, а не наоборот.

В нынешних условиях эта роль, разумеется, выглядит иначе, но она в них просматривается. Мы получили в данность удивительный век, где цивилизационные, в значительной мере чисто технические, невиданные новации открыли громадные возможности, но и внесли сумбур, и разрушили сколь-нибудь цельную картину мира, без которой ни человек, ни общество жить не могут. По крайней мере — счастливо жить. И декларируемые нынче «плюрализм», мультикультурность, многообразие и равенство ценностей, в том числе духовных и этических, это отнюдь не свободный и новый взгляд на мир и будущее — это попытка оправдать свою растерянность.

А действительно преодолеть ее, наметить в хаосе хоть какие-нибудь ориентиры способно как раз искусство, в том числе — а может, и в первую очередь — поэзия. Сделать то, о чем говорил Блок: внести гармонию в мир.

Многие века первую роль в этой важнейшей для человека сфере бытия играла религия. Поэзия, искусство ей сродни. Да они и по сути своей религиозны. Только религия обращена прямоком к Творцу, а искусство — к Творению, за которым Творец всегда угадывается. В этом смысле подлинная поэзия всегда религиозна, даже если автор считает себя атеистом.

Поэзия, несущая новое видение нового мира, но опирающаяся на колоссальной протяженности традицию, в состоянии внести в хаос некую гармонию, а значит, ясность. По крайней мере, в душу обитающего в этом хаосе человека.

Дело в том, что даже самая новая поэзия не только пуповиной, но целиком кровеносной системой связана со всей культурной и духовной историей человечества. Т. е. находит новейшему место в апробированной человечеством системе ценностей.

И тут уместно припомнить еще одну статью Мандельштама, «Девятнадцатый век», 1922 года: «В отношении к этому новому

веку, огромному и жестоковыйному, мы являемся колонизаторами (в смысле — “возделывателями”. — А. А.). Европеизировать и гуманизировать двадцатое столетие <...> вот задача потерпевших крушение выходцев из девятнадцатого века, волею судеб заброшенных на новый исторический материк».

Честно сказать, я думаю, что рост внимания к поэзии возможен и в перспективе не столь далек. Люди насмотрятся интернета, наиграются в безбрежный плюрализм (за которым сквозит опасное равнодушие), насладятся многообразием всего на выбор, сродни многообразию «ИКЕЙ», и ощутят потребность в системе ценностей. Культурных. Духовных. Нравственных.

Это будет — как и бывало чаще на протяжении веков — элитарное чтение. Да, с бумажной книжкой в руках, которая уже становится таким же предметом роскоши, как наручные часы с заводом при поголовном наличии мобильных, тоже показывающих время. Желательно, конечно, чтобы это были швейцарские часы. Но возродится и «народное» чтение, которое, кстати, никуда и не пропало, а только сократилось на фоне других доступных развлечений. Потому что не всё же сериалы и мозаика интернет-новостей, иногда хочется душу отвести.

Не будет бумага 60-х (если только авторитарные замашки современного мироустройства не перейдут в злокачественную фазу), но и не будет нынешнего повального равнодушия ко всему, что сложней и многозначней комикса.

Если, конечно, наша цивилизация вообще преодолет кризис. Во что хотелось бы верить.

III.

Но давайте поговорим немножко уже о положении самого поэта в описанных обстоятельствах.

Сказанное выше делает его по всем признакам довольно скромным. Что тоже началось не вчера. В 1926 году Ходасевич писал: «...явись сейчас перед этой толпой Софокл, Данте, Шекспир или Гете — пришлось бы им удовольствоваться скромным успехом в среде “специалистов” и “любителей” да торжественными приемами в академиях». Правда, похоже?

Причина такого положения вещей вычитывается из самого названия упомянутой статьи: «О кинематографе». То есть о первой волне массовой культуры, захлестнувшей цивилизованный мир: массовая культура — это оружие массового поражения.

Мы живем в эпоху масскультуры. Это главная беда современной цивилизации. И беда не только в том, что она увлекает и отвлекает миллионы людей в сторону самых примитивных развлечений. Кстати, она и в этой примитивности прогрессирует, в смысле деградирует. Если сентиментальная киношка 20-х годов, вызвавшая сетования Ходасевича, была рассчитана на мечтающих о замужестве девиц и их ухажеров-приказчиков, то нынешние страшные сказки про монстров и звездные войны — уровень младшей группы пионерлагеря. Ну, когда после отбоя погасят свет, и в палате какой-нибудь очкарик пугает товарищей рассказами про белую перчатку или еще какими страшилками собственного сочинения. Я сам был таким очкариком.

Но беда, повторюсь, не только в этом. Масскульт еще и очень агрессивен по отношению к собственно культуре.

Все знают, читали у Тынянова, что высокое искусство от века пополнялось и обогащалось за счет «периферии», втягивало в себя низкие жанры и обращало их в явления подлинной культуры. Сейчас происходит противоположное: массовая культура активно поглощает, перерабатывает и выхолащивает высокое искусство. Те же телесериалы, мюзиклы «Анна Каренина», «Преступление и наказание» и проч. эксплуатируют и низводят до уровня зрелища литературную классику. А нахлынувший вал так называемого «актуального искусства», вполне себе коммерческого или, по крайней мере, приносящего сказочные проценты с крошечного «символического капитала», эксплуатирует высокий авангард столетней давности, а то и прямо мимикрирует под него. В итоге стирается грань между высоким и низким, между масскультом и искусством. И подлинному художнику в этих условиях приходится вдвойне тяжело.

Кстати, о высоком и, условно, «невысоком» искусстве: упрощенном для восприятия, а то и прямо развлекательном. Они всегда существуют и взаимовлияют, вспомним того же Тынянова. И все, заметим, литературе нужны.

В ней всегда присутствуют три уровня, от, условно же говоря, «чтива», через беллетристику, к литературе как искусству. Четких границ нет. Задуманное как эпохальный шедевр частенько оказывается развлекательным, а то и детским чтением (Александр Грин, Вальтер Скотт), а реже наоборот: газетное чтиво О. Генри оказалось бессмертной литературой. (Просто потому, как оно написано. Или «Три мушкетера». Кстати, не уверен, что и «Дон Кихот» не мыслился изначально развлекательным чтением с элементом пародии. А фельетоны Антоши Чехонте?) Взаимосвязаны эти пласты и через эволюцию читателя: по крайней мере, хорошая беллетристика готовит его в принципе к восприятию более серьезных книг. Мы ведь с вами тоже не с Джойса начинали.

Между прочим, от депрофессионализации литературы эти низовые жанры пострадали едва ли не раньше и больше высоколобой. Сопоставьте современный «дамский роман» с Франсуазой Саган. Или Маринину с Эрлом Стенли Гарднером.

В поэзии нижний слой — это прежде всего песни, в том числе и народные. Масскульт, попса пожирают их первыми, потому что обращены к той же аудитории. Оксюморон: есть высокие образцы поэзии низких жанров, та же народная песня. И просто песня: Исаковский («Враги сожгли родную хату...», «Катюша»), Фатьянов («Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...», «Три года ты мне снилась», «В городском саду играет духовой оркестр...») Сравните их с современными эстрадными текстами.

Вообще, эстетически «упрощенная» поэзия, как правило, — редуцированная, эпигонская, утратившая новизну и низведенная до общего места высокая классика: ну, как среднесоветская поэзия вытекала в этом смысле из примитивно понятых Пушкина, Некрасова, с добавкой Есенина. Но и такое эпигонство требует профессиональной руки. Увы. «Наш современник», «Москва», многие провинциальные журналы в своих поэтических разделах плохи литературно (не идеологически) не столько «простотой», сколько качеством. Это очень посредственно написанные тексты.

Но вернемся к высокой поэзии. Если кто-то из молодых стихотворцев хочет стать художником в высоком смысле слова — и такие, на удивление, не перевелись, — а не просто производителем

«качественных текстов» (что, впрочем, как уже сказано, хотя и не столь высокая творчески и мало мне лично интересная, но тоже культурно значимая задача), то он сталкивается с описанной мною реальностью лицом к лицу.

Положение поэтов в этих условиях весьма точно определил тот же Блок, назвав их в статье «Крушение гуманизма» (1919) «живыми катакомбами культуры». Проводя параллель с катакомбной церковью, хранившей христианские идеи в эпоху римских гонений.

А Ходасевич, уже о собственной поэтической судьбе, высказался и вовсе скептически. В «Записной книжке» он предопределил ее перспективы так: «Боюсь, я всегда буду “для немногих”. И то, если меня откопают».

Так что это не только сегодняшнее, это, скорее, обычное положение поэта. О нем еще в 1913 году в статье «О собеседнике» писал Мандельштам, именно тут и проводя грань между «поэзией» и «литературой»: «обращение к конкретному собеседнику» — а именно из таких, напомним, состоит *публика*, толпа, покупатели стотысячных тиражей, посетители поэтических концертов на стадионах, — так вот: «...обращение к конкретному собеседнику обескрыливает стих, лишает его воздуха, полета... Разница между литературой и поэзией следующая: литератор всегда обращается к конкретному слушателю, живому представителю эпохи... Поэт связан только с провиденциальным собеседником».

Поэт — странная профессия, но она существует. Она не кормит. Приносит массу житейских неудобств, а временами приводит к трагическому итогу. Она, напомним, требует «*всего человека*»: в сущности, профессиональный поэт занимается единственным в жизни делом — пишет стихи. Даже когда отвлекается на поиски хлеба насущного или предается семейным радостям. В этом смысле он отличается от тех, кого мы зовем графоманами, лишь мерой таланта. А от любителей тем, что те посвящают сочинительству свободное от житейских забот время, а этот — наоборот. Зато она приносит временами несказанное счастье. И не только самому автору.

Что и говорить. Провиденциальный собеседник не заполнит стадион и не раскупит тираж. Но он все-таки есть. Или приходит со временем. «Произведение *искусства* оживет <...> пройдя, как

ему всегда полагается, через мертвую полосу нескольких ближайших поколений, которые откажутся его понимать». Это Блок писал в 1920-м.

Просто писать надо только в расчете на *этого* собеседника — вот он и явится. Ведь «откопали» же Ходасевича. И пусть все в том же узком кругу, но давно и навсегда он — поэт *для многих*.

